

Б. Н. Бочарников
B. N. Bocharnikov

А. И. Михайлов – педагог и историк искусства
A. I. Mikhailov – teacher and art historian

Ключевые слова: история советской архитектуры, советское искусствознание, искусствовед А. И. Михайлов, архитектор Д. В. Ухтомский, искусство XVIII века, московская архитектурная школа

Keywords: History of Soviet architecture, Soviet art history, art historian A. I. Mikhailov, architect Dmitry Ukhtomsky, art 18th century, Moscow Architectural School

Аннотация. Статья посвящена биографии и научному наследию А. И. Михайлова (1904–1985). Рассматриваются вновь выявленные данные к биографии Михайлова и реконструируется его концепция истории русской архитектуры, основоположником которой ученый считал Д. В. Ухтомского и его учеников. В контексте развития сложения советской архитектурной школы и отечественного искусствознания ученый связывал современность с процессами XVIII столетия. Определяется ведущая заслуга ученого в формировании научной школы по истории архитектурного образования в России.

Abstract. The article is devoted to the biography and scientific heritage of A.I. Mikhailov (1904-1985). The newly identified biographical documents for the biography of Mikhailov are examined and his concept of the history of Russian architecture, the founders of which the scientist considered D.V. Ukhtomsky and his students. In the context of the development of the Soviet architectural school and domestic art history, the scientist connected modernity with the processes of the 18th century. The leading merit of the scientist in the formation of a scientific school on the history of architectural education in Russia is determined.

Алексей Иванович Михайлов (1904–1986) был одной из центральных фигур в архитектурном сообществе 1930-х – начала 1950-х годов. Будучи историком искусства, он сформулировал теоретические установки, которых придерживались ведущие архитекторы и архитектурные критики Советского Союза. Но главные его научные труды стали основой отечественной истории архитектуры как академической науки.

Несмотря на его выдающиеся заслуги, об А. И. Михайлове нет научных статей, за исключением биографической справки в Царицынской энциклопедии [9], едва отражающей масштаб ученого. К сожалению, об А. И. Михайлове в существующей литературе (например, в монографиях о постконструктивизме А. Н. Селивановой и в недавно вышедшей книге Н. Ю. Молока о Д. Е. Аркине) закрепилось представление как об активном участнике т. н. «борьбы с формализмом». Личность Михайлова дается однобоко, без учета его несомненных заслуг, в том числе – в качестве одного из основоположников кафедры Истории архитектуры и искусства в Московском архитектурном институте.

Это представление, основанное на досужих слухах и его репутации «жесткого критика», отражает сложные пути развития архитектуры и дискуссии в научных поисках 1930–1950-х годов. Тем не менее, его статьи и фундаментальные монографии о кн. Д. В. Ухтомском и В. И. Баженове, ставшие летописью московской архитектурной школы, являются основой для всей последующей отечественной литературы и новейших научных трудов.

Будущий ученый родился 26 сентября 1904 года в семье бывшего крепостного крестьянина Ивана Михайловича Михайлова и сельской учительницы Александры Михайловны в селе Начиалы бывшего Ардатовского уезда Симбирской губернии (ныне Чамзинский район республики Мордовия). По записи в метрической книге села Сайгуш Начиальской волости, выявленной

Д. В. Безверхим, он был крещен в Архангельской церкви 1 октября [21]. Восприимчиками его были псаломщик Иван Лаврентьевич Солнцев из села Паракино Ардатовского уезда и дочь умершего псаломщика, девица села Сализники Мария Ивановна Гиривина. В семье Михайлова было еще двое братьев, но только Алексей пошел по гуманитарной стезе.

По одной из автобиографий А. И. Михайлова, отец его был сыном пастуха, но «благодаря способностям и упорству выбился из нищеты: стал сначала писцом, затем волостным писарем, и, наконец, бухгалтером (всё это самоучкой)», которым работал до смерти в 1922 году. Сам Алексей Иванович с 1919 года (в 15 лет) начал служить в канцелярии Уисполкома¹ делопроизводителем, а затем секретарем. Это определило склад ума будущего ученого, склонного к архивной систематизации данных.

В 1923 году Михайлов поступает в Московский государственный университет на факультет общественных наук, в отделение археологии и искусствознания, опубликовав при этом свою первую статью – рецензию на книгу «Венецианов и его школа» в журнале «Печать и революция». После трех лет обучения он поступил в аспирантуру в РАНИОН, которую окончил в 1929 году. Специализировался в ней А. И. Михайлов по вопросам теории и методологии искусства, как в русле русского, так и западного искусства, благодаря широкому кругозору и знанию иностранных языков. Вероятно, именно в это время начинает формироваться круг друзей и коллег ученого. Прежде всего, он знакомится с искусствоведом и коллекционером А. А. Сидоровым. В фондах ГНИМА сохранились подаренные авторские машинописные статьи Сидорова «Портрет как проблема социологии искусств» (1928) и «Наука об искусстве» (1929), содержащие следующие дарственные надписи: «Дорогому товарищу по работе Алексею Ивановичу Ми-

¹ УИСПОЛКОМ – Уездный исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

хайлову в знак нежной симпатии и большой надежды» [3] и «Алексею Ивановичу Михайлову, наиболее выдающемуся представителю страны. Искренне автор» [4].

В ранний период деятельность А. И. Михайлова в основном ограничивалась критическим жанром, он активно публиковался в периодической печати. Его статьи выходили в «Вестнике коммунистической Академии», сборниках «Вопросы развития пролетарского искусства в СССР», «Русская живопись» (издаваемая РАНИОН)¹, в «Ежегоднике литературы и искусства» и др. Ученый также выступал в Коллегии Института археологии и искусствознания.

В 1928 году Михайлов участвует в движении «Октябрь», в 1929-м принимает непосредственное участие в создании ВОПРА, и, как он сам отмечал, с этого момента начинает глубоко интересоваться вопросами истории архитектуры. По-видимому, уже тогда он занял позицию строгого критика по отношению к творчеству своих современников – И. И. Леонидова, Я. Г. Чернихова (его визуальным образом). А. Н. Селиванова обращает внимание на статью Михайлова «О хлестаковщине и буржуазном вредительстве на архитектурном фронте» (1931), в которой он обличал Чернихова как «лже-теоретика» [19, с. 44]. Михайлов в ней указывал на то, что лучшие стороны конструктивизма и его социальная роль подменяются созданием чистых форм ради форм, усматривая в этом даже склонность архитектора к эклектизму, оторванному от практики, выраженному в «беспредметных фантазиях» [16]. Действительно, критика Михайлова была не беспочвенна и заслуживает пересмотра, отвечая не только идеологическому пафосу времени, но и конкретным проблемам в архитектуре. Известна фраза из декларации ВОПРА: «Наряду с владением современной техникой, архитектор должен овладеть культурой прошлого, но не для подражания, механического копирования, а для критического использования исторического опыта» [20, с. 541]. Вполне возможно, что эти строки, открывшие эпоху «освоения классического наследия» 1930–1940-х годов, принадлежат именно Михайлову.

На этом фоне следует отметить системный подход А. И. Михайлова к осмыслению современной архитектуры, выразившийся в его монографии «Группировки советской архитектуры» (1932), ставшей основой для истории всей советской архитектуры. Это отвечало и назначению Михайлова в ГАХН, в которой он работал до 1934 года, руководя коллективом преподавателей по истории русского искусства XIX–XX веков, методологии искусствознания и истории советского искусства. Параллельно он работал с 1929 по 1935 год во ВХУТЕМАСе, ставшем впоследствии Московским архитектурным

институтом, в 1932–1933 годах исполняя обязанности заведующего кафедрой Истории и теории архитектуры Московского архитектурного института. В автобиографии он указывает, что в этот период написал для института работы «О природе архитектуры и синтезе искусств» и «Классическое наследие и советская архитектура», а также им был разработан курс советской архитектуры на 40–50 лекционных часов, впоследствии распространенный в других вузах Советского Союза. В то же время с 1933–1934 года он вел занятия с аспирантами в Государственной Третьяковской галерее, директором которой был А. А. Сидоров.

Впоследствии с июля 1947 года по сентябрь 1948-го он был старшим научным сотрудником Кабинета русской архитектуры МАИ.

Болезнь, постигшая ученого, позволила заняться работой над большими монографиями, а также весьма ценными в истории русского искусства статьями. Уже к 1940 году он завершает первую редакцию монографии об Д. В. Ухтомском. (В автобиографии он упоминает о том, что ее очень одобрил И. Э. Грабарь.) В том же году Михайлов публикует первую свою книгу о зодчем [11]. Но по сохранившемуся пропуску в Архив Древних Актов 1941 года, хранящемуся в числе других документов ученого в ГНИМА им. А. В. Шусева², можно сказать, что важнейшие свои открытия он начал делать уже с начала 1940-х годов.

К этому времени у А. И. Михайлова возникает замысел многотомника о великих русских архитекторах. Впоследствии эта идея стала основой такого издательского проекта, как серия «Мастера архитектуры». По его замыслу, который развивался в процессе работы над Ухтомским, эта монография, как и том о Баженове, должна была предваряться книгой «Зодчий Аксамитов и русские архитекторы XVII века»³. Отметим, что все три монографии были пронизаны идеей создания и развития отечественной архитектурной школы в историческом контексте.

По-видимому, работая над монографией об Ухтомском, он одновременно собирал материалы о В. И. Баженове, а с его праправнуком – профессором В. А. Багадуровым был знаком через свое обширное дружеское окружение. В то же время он издает небольшую монографию о И. Е. Старове, знакомится с его исследователями Н. Н. Белеховым и А. Н. Петровым, подготовившим к 1941 году свою монографию⁴. Впоследствии

¹ РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Существовала с 1924 по 1929 г. В 1929–1930 годах большинство институтов РАНИОН вошли в состав Коммунистической академии. Постановлением коллегии Наркомпроса РСФСР от 3 марта 1930 года РАНИОН была переименована в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры (РАНИМХИРК). Ликвидирована 26 октября того же года.

² Фонд А. И. Михайлова № 627 в ГНИМА им. А. В. Шусева был сформирован на основании материалов, переданных музеем его вдовой Л. С. Михайловой. Он входит в научно-вспомогательный фонд музея в составе хранения архива музея. Наряду с архивом семьи ученого в ГНИМА сосредоточено наиболее полное количество работ и других материалов.

³ Монография А. И. Михайлова о зодчих конца XVII – начала XVIII века сохранилась в числе других рукописей, объединенных темой нарышкинского барокко, отчего указанное здесь название дается нам условно, исходя из содержания этого корпуса материала, включающего материалы о Новодевичьем монастыре, Лефортовском дворце, зодчем Бухвостове и др. статьи.

⁴ Монография Н. Н. Белехова и А. Н. Петрова «Иван Старов» была опубликована только в 1956 году.

с А. Н. Петровым у Михайлова сложились творческие и дружеские взаимоотношения.

Концепция А. И. Михайлова и его источниковедческий метод, основанный на пересмотре ранее опубликованных и выявлении новых источников, существенно отличался от более творческого подхода его современников – И. Э. Грабаря и М. А. Ильина и других крупных авторов, допускавших атрибуцию архитектурных произведений на основании одних лишь стилистических признаков и устоявшихся точек зрения. Со стороны М. А. Ильина, находившегося одновременно в непростых взаимоотношениях с А. А. Сидоровым, ревизионизм Михайлова нередко вызывал скрытую или публичную критику. Так, в обсуждении первого в истории архитектурного образования учебника по истории русской архитектуры 1952 года, в котором Михайлов принял непосредственное участие, М. А. Ильин напрямую обвинил исследователя в плагиате. Обращаясь к директору Института истории архитектуры М. И. Рязину, он говорил: «Почему Вы вводите соответствующий материал по Ухтомскому, опубликованный А. И. Михайловым в сборнике Института? Что там нового? Ничего. Там дано всё то, что написано Игорем Эммануиловичем [Грабарём]. И вы даёте этот материал, взятый у Игоря Эммануиловича, но Игоря Эммануиловича не даёте. Почему Вы ничего не даёте ни об исследователях – Д. Е. Аркине...» [18].

Рис. 1. А. И. Михайлов, 1940-е гг. Собрание ГНИМА им. А. Ф. Шусева. НВФ 627. Ед. хр. 88

Рис. 2. А. И. Михайлов и Ю. С. Яралов. Собрание ГНИМА им. А. Ф. Шусева. НВФ 627. Ед. хр. 85

Как известно, инициатором создания «Краткого курса русской архитектуры» был С. В. Безсонов, который вместе с А. И. Михайловым стоял у истоков начала преподавания курса истории русской архитектуры во ВХУТЕМАСе и Архитектурном институте. Критика М. А. Ильина, которая выражалась и в последующем игнорировании публикаций Михайлова, едва ли была заслуженной. Михайлов очень чтит (даже несмотря на разногласия) открытия своих предшественников и учителей, тем более Грабаря, путь которого достойно продолжал.

Будучи одним из основоположников ВОПРА и Союза Архитекторов, Михайлов хорошо понимал специфику сложения национальной архитектурной школы. Не уделяя внимания проблеме стилистических влияний, которые он не считал принципиальными, его точкой зрения была необходимость приложения теории к практике. На этом основании у А. И. Михайлова к 1947 году сложился с Д. Е. Аркиным мировоззренческий конфликт, выразившийся в «Суде чести» над последним, что было недавно рассмотрено Молоком. Однако аргументы Михайлова во многом не лишены актуальности и в наше время: «...для Аркина мерилом значительности высоты и силы русского зодчества является некий «общеевропейский уровень», который он прилагает к любому явлению. Русские зодчие, рассматриваемые с точки зрения «общеевропейской» мерки, оказываются в роли «интерпретаторов» западно-европейских стилей» [17].

Хотя позиция Михайлова отвечала и нарастающей «Борьбе с космополитизмом», но с позиции теоретика и педагога архитектурного института его слова едва ли следует рассматривать в одной лишь политической плоскости. Он хорошо соотносил историю и практику, понимая взаимосвязь творческой идеи, исторического контекста и социальных обстоятельств, вскрывая истоки и первопричины явлений.

Вышедшие в 1951 и в 1954 годах монографии Михайлова о Баженове и Ухтомском стали главными трудами ученого на поприще историка архитектуры. Отметим, что работа над Ухтомским – как полноценный научный труд – началась в 1948 году, что стало известно из сохранившегося издательского договора [7]. Но вышедший раньше времени том о Баженове, который следует рассматривать в качестве его части, принес Михайлову звание доктора искусствоведения. Возникший в качестве «пролога» том об Аксамитове и зодчих рубежа XVII–XVIII веков был им завершен лишь к 1984 году и остался поныне неопубликованным.

Михайлов в творчестве великих зодчих XVIII века стремился увидеть примеры для архитекторов своего времени. Так, говоря об Ухтомском, он писал, что зодчий «развивает в своих произведениях принципы и формы высотных ярусных композиций XVII века, их декоративные и колористические особенности, но развивает их по-новому, в органическом сочетании с началами ордерной классической архитектуры» [13]. Пожалуй, эти слова не только справедливы, но и адресованы к создателям высотных зданий Москвы. Говоря же о Баженове, Михайлов очевидно подразумевает послевоен-

ное возрождение городов, образ которых напрямую отсылал к поискам зодчих XVIII столетия. Он писал: «*Баженов был первым, кто с огромной силой выразил [человечное] начало русской классической архитектуры в своём проекте кремлёвского дворца. <...> Здесь и есть русская широта размаха, и воплощение в архитектурных формах величия и мощи Российского государства, но здесь же мы ощущаем и подлинную демократичность, стремление приблизить сооружение к простому человеку*» [14, с. 345].

Рубежным для биографии ученого стал 1955 год, который был встречен Михайловым в статусе временно ушедшего из Института теории архитектуры. Изменения, произошедшие в советской архитектуре, были восприняты им болезненно. Для отечественной истории искусства в последующие годы он стал автором монографий о крупнейших художниках своего времени, в том числе о П. Д. Корине, с которым очень дружил¹. Тем не менее, А. И. Михайлов продолжал свои дальнейшие научные исследования. К 1962 году им была осуществлена важная публикация об обнаружении имения Глазово и могилы В. И. Баженова [15], тем самым опровергнув недостоверные предположения о месте упокоения великого зодчего². Но к 1980-м годам эта заслуга уже была забыта, о чем сам Михайлов не без сожаления писал в своей статье «Величие и трагедия Баженова» [12].

Наследие А. И. Михайлова не ограничивается крупными монографиями и многочисленными статьями, которые заслуживают отдельного рассмотрения. Михайлов во многом создал фундамент отечественной школы истории архитектуры, характеризующейся трудами учеников и развитием того наследия, которое было им создано. К их числу относится Ю. С. Яралов – ученик А. И. Михайлова, воплотивший его замысел по созданию 12-томной Всеобщей истории архитектуры. Поныне выходит с 1951 года сборник «Архитектурное наследие», 1-й номер которого готовил А. И. Михайлов³. Не менее значительно и развитие теории русского наци-

онально-романтического направления в архитектуре, выявленное и впервые так сформулированное Михайловым, заслугу которого отмечают в своих трудах А. Б. Борис [1, с. 10] и В. Г. Лисовский [10, с. 5].

Важно, что в год 275-летия московской архитектурной школы мы отмечаем и 140-летие ученого, труды которого лежат в основе современной научной истории русской архитектуры и его архитектурной школы. Несмотря на значение ученого в отечественной истории архитектуры, его имя уходило в забвение уже при его жизни, что едва ли заслужено, учитывая его выдающиеся достижения, на которых и поныне стоит отечественная школа историков архитектуры, особенно в Московском архитектурном институте.

Список литературы

1. Борис, А. Г. Романтическая тема в московской архитектуре конца XVIII – начале XIX веков. Дис. ... кандидата архитектуры: 18.00.01 / Борис Анастасия Георгиевна; Московский архитектурный институт. – Москва, 1991. – Т. I.
2. Бочарников, Б. Н. А. И. Михайлов и его значение в истории русской архитектурной школы / Б. Н. Бочарников // Наука, образование и экспериментальное проектирование – 2024: Сборник тезисов научно-практической конференции. – Москва : МАРХИ, 2024. – С. 2-3.
3. ГНИМА им. А. В. Щусева. НВФ 627. Ед. хр. 249. С. 1.
4. ГНИМА им. А. В. Щусева. НВФ 627. Ед. хр. 250. С. 1.
5. ГНИМА им. А. В. Щусева. НВФ 627. Ед. хр. 38.
6. ГНИМА им. А. В. Щусева. НВФ 627. Ед. хр. 1. С. 1-15. 1950 г. с правками 1956 г.
7. ГНИМА им. А. В. Щусева. НВФ 627. Ед. хр. 10. С. 1.
8. Иванова-Веэн, Л. И. Из истории создания кафедры «Советская архитектура» / Л. И. Иванова-Веэн, Е. П. Двойнева // Наука, образование и экспериментальное проектирование – 2024: Сборник тезисов научно-практической конференции. – Москва : МАРХИ, 2024. – С. 26-27.
9. Кокарева, Е. Д. Михайлов Алексей Иванович // Царицынская иллюстрированная энциклопедия. В 2 т. Т. 2. – Москва: Буки Веди, 2020. – С. 53.
10. Лисовский, В. Г. Национальный стиль в архитектуре России / В. Г. Лисовский. – Москва : Совпадение, 2000.
11. Михайлов, А. Архитектор Д. В. Ухтомский / А. Михайлов // Архитектура СССР. – 1940. – № 10. – С. 64–69.
12. Михайлов, А. Величие и трагедия Баженова / А. Михайлов. – Искусство. – 1982. – № 9. – С. 52.
13. Михайлов, А. И. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа / А. И. Михайлов. – Москва : Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1954. – С. 325.
14. Михайлов, А. И. Баженов / А. И. Михайлов. – Москва : Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1951.
15. Михайлов, А. Новые материалы о Баженове / А. Михайлов // Архитектура СССР. – 1962. – N. 5 – С. 52.
16. Михайлов, А. О Хлестаковщине и буржуазном вредительстве на архитектурном фронте / А. Михайлов // Советская архитектура. – 1931. – № 5-6. – С. 28.
17. Молок, Н. Давид Аркин : «идеолог космополитизма» в архитектуре / Николай Молок. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – С. 352.
18. РГАЛИ. Ф. 2465. Оп. 1. Ед. хр. 495. С. 42.
19. Селиванова, А. Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР / А. Н. Селиванова. – Москва : БуксМАрт, 2019.
20. Советское искусство за 15 лет: материалы и документация / сост. И. Маца. – Москва; Ленинград : Изогиз, 1933.
21. ЦГА республики Мордовия. Ф. 57. Оп. 4. Д. 638. Л. 182об-183.

¹ В числе других фундаментальных работ А. И. Михайлова следует назвать монографии о М. С. Сарьяне (1958 г.), М. В. Нестерове (1968 г.) и о Л. Д. Гудиашвили (1977 г.).

² Заслугу А. И. Михайлова в обнаружении могилы В. И. Баженова и его имени Глазово справедливо обозначил Д. В. Безверхий в своей статье «Усадьба Глазово архитектора В. И. Баженова. Новые исследования» (Русская усадьба, 2022, № 28 (44), с. 19).

³ По-видимому, ряд его авторов, следовавших методом историко-архивного исследования, были учениками Михайлова, что требует дальнейшего изучения. Самому А. И. Михайлову надлежало помимо вводной статьи опубликовать в нем две свои научные статьи под общим заглавием «Из новых материалов в русской архитектуре XVIII века»: «Домик в Петропавловской крепости» и «Творчество Растрелли и традиции русской архитектуры. К истории проектирования и строительства колокольни Троице-Сергиевой лавры» (с. 56-66). Вопреки утверждениям Молока о «ревности» Михайлова к баженовской теме, в том же первом номере Н. Морец опубликовал статью «Новые материалы о В. И. Баженове» на с. 94-104, освещающая историю строительства дома Долгова, а А. Кипарисова – статью «Проект Павловской больницы в Москве» на с. 119-126.